

В. С. Холодков
Днепропетровск

ПУШКИНСКИЙ МИФ КАК ЧАСТЬ МИФА ОБ ИСКУССТВЕ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. ИСКАНДЕРА

У статті розглядаються представлені у творах Ф. Искандера різновиди пушкінського міфу, що склалися протягом останніх двох століть: обивательський, радянський, пострадянський міфи про Пушкіна. При цьому аналізується схожість та відмінність цих міфів. Здійснюється спроба визначення авторської стратегії по відношенню до вказаних різновидів міфу – від реконструкції до переосмислення і реактуалізації. Крім того, вивчення пушкінського міфу у творчості Ф. Искандера дозволяє визначити у рамках даної статті розуміння автором функцій та призначення мистецтва, визначити відношення Ф. Искандера до двох протилежних тенденцій – утилітарному мистецтву та мистецтву для мистецтва, проаналізувати особливості втілення авторської концепції мистецтва в творах Ф. Искандера.

Ключові слова: міф, Пушкін, мистецтво, концепція.

В статье рассматриваются сложившиеся на протяжении двух последних столетий разновидности пушкинского мифа, представленные в творчестве Ф. Искандера: обывательский, официальный советский, постсоветский мифы о Пушкине. При этом анализируется сходство и различие данных мифов. Осуществляется попытка определения авторской стратегии по отношению к данным разновидностям мифа – от деконструкции до переосмысления и реактуализации. Кроме того, изучение пушкинского мифа в творчестве Ф. Искандера позволяет определить в рамках данной статьи понимание автором функций и назначения искусства, определить отношение Ф. Искандера к двум противоположным тенденциям – утилитарному искусству и искусству для искусства, проанализировать особенности воплощения авторской концепции искусства в произведениях Ф. Искандера.

Ключевые слова: миф, Пушкин, искусство, концепция.

The object of the article is examination of author's conception of the myth of Pushkin as the part of the myth of art in the works of F. Iskander on the basis of numerous references, hints and reminiscences to biography and work of Pushkin, determination of the interrelation of author's and collective version of this myth, examination the ways of evolution of the myth of Pushkin in the works of the writer (from myth of the XIX century to its modern version). The article discusses varieties of the myth of Pushkin represented in the works of F. Iskander, which have developed during two last centuries: Philistine, official Soviet and post-Soviet myths of Pushkin. At the same time the similarities and the distinctions of these myths are analyzed. The attempt to define the author's strategy regarding these versions of the myth – from deconstruction to rethink and actualization – are realized. Moreover, examination of the myth of Pushkin in the works of F. Iskander enables to define comprehension of the functions and purpose of art by the author, to determine of author's attitude to two contrary tendencies – utilitarian art, which subordinated to the idea of the public good art, and art for art, which subordinated to the idea of exclusively aesthetic perception of art and literature in particular; to analyse peculiarities of the realization of author's conception of art in the works of F. Iskander.

Key words: myth, Pushkin, art, conception.

Искусство является одним из важнейших и вместе с тем сложнейших феноменов человеческой истории. На протяжении столетий философы, культурологи, писатели стремились объяснить суть данного явления, его назначение и особенности, степень влияния на человечество и т. д. Не является исключением в этом плане и творчество Ф. Искандера. Несмотря на то что концепция искусства в его творчестве не выражена прямо, она, тем не менее, достаточно последовательно выстроена и в значительной степени отражена в «пушкинском мифе» писателя. Исследование искандеровской интерпретации данного мифа представляет интерес потому, что даёт возможность определить особенности авторской концепции искусства, а также рассмотреть взаимоотношение в творчестве одного писателя коллективного и авторского вариантов пушкинского мифа. Определение этих особенностей и является целью данной статьи.

Пушкинский миф и история его формирования стали предметом изучения многих исследователей (М. Виролайнен [1], В. Гусева [2], М. Загидуллиной [4], О. Муравьёвой [10] и т. д.). Достаточно активно изучались и изучаются особенности функционирования пушкинского мифа в творчестве современных русских писателей в исследованиях Г. Доброзраковой [3], С. Маленьких [9], Н. Солошенко-Заднепровской [11] и т. д. В то же время специфика отражения пушкинского мифа в критических работах, посвящённых творчеству Ф. Искандера, не только не исследована, но и не обозначена.

Пушкинский миф в творчестве писателя конструируется многочисленными отсылками к имени Пушкина, аллюзивными соответствиями и прямыми реминисценциями пушкинских текстов в творчестве Ф. Искандера. Включение в повествование знакового имени Пушкина нередко становится меткой искандеровских размышлений о функциях и назначении искусства вообще. Писатель включается в дискуссию о двух тенденциях назначения искусства – искусства утилитарного, подчиненного идее «общественной пользе искусства», и концепции «искусства для искусства». Ф. Искандер явно выбирает промежуточный вариант. С одной стороны, он признаёт воспитательное значение литературы, утверждая: «Юмор, ирония, сатира, лирика и сама правда, даже в ее высшем смысле, для меня имеют значение только тогда, когда поднимают и укрепляют дух человека» [6]. Ф. Искандер пишет: «Думаю, что воля к добру и разуму должна господствовать над любым жизненным абсурдом» [6]. С другой стороны, он признает, что «утилитарная» цель искусства – логически убеждать – неотделима от духовного катарсиса, без которого настоящее искусство невозможно. В одном из своих рассказов Ф. Искандер описывает чувства мальчика Чика на похоронах: «И вдруг ударила музыка и сразу перекрыла все, о чём Чик сейчас думал. Музыка была до того печальной, что Чика мгновенно заполнила острая, сладостная жалость. И удивительней всего было то, что как только он начинал жалеть кого-нибудь, музыка мгновенно устремлялась к месту жалости и омывала именно эту жалость. Но откуда музыка знает обо

всех его жалостях и как она успеваешь мгновенно вместе с Чиком переходить от одной жалости к другой?» [7, с. 673]. Искусство, по Ф. Искандеру, безусловно, служит некой важной общественной цели, но одновременно эмоциональное переживание искусства усиливает переживание экзистенциальное, актуализирует духовное начало в человеке.

Размышления Ф. Искандера о функциях, специфике и назначении искусства имманентно связаны с пушкинским мифом в истории русской культуры. Как известно, жизнь и творчество Пушкина сразу же после смерти писателя стали активно мифологизироваться. М. Загидуллина совершенно справедливо отмечает: «Пушкинский миф в ряду других отечественных мифов занимает особенное место, хотя бы потому, что из всех других “литературных” и даже других социокультурных (персонализированных) мифов он единственный принципиально “национальный” (общенародный), выросший в сознание на уровне стереотипической схемы» [4]. Культ Пушкина рождается уже в XIX веке, что и было выражено знаменитой фразой Ап. Григорьева: «Пушкин – наше всё». Значение его творчества абсолютизируется, представляется квинтэссенцией эстетического совершенства, а сам поэт провозглашается высшим воплощением русской культуры. Можно выделить несколько значимых составляющих пушкинского мифа, в разной степени актуализируемых на протяжении «послепушкинской» русской истории. Одним из важнейших становится миф о Пушкине как борце с самодержавием: «Распространение в списках именно вольнолюбивых стихотворений и восприятие Пушкина как “борца” и “бунтаря” прочно закрепляется в качестве одного из самых первых ответов на вопрос о главенстве поэта» [4]. Этот миф культивируется и советской эпохой, видевшей в Пушкине прежде всего обличителя дореволюционного государственного произвола. Вследствие распада Советского Союза и краха советской государственной идеологии происходит и изменение отношения к пушкинскому мифу. Критическое переосмысление пушкинского мифа – один из важнейших мотивов постмодернизма, для которого Пушкин – один из главных симулякров эпохи. Так, В. Гусев отмечает: «У 90-х рр. XX ст. письменники постмодерністської орієнтації намагались зруйнувати поле ідеальності, створене навколо імені Пушкіна. Пушкінський міфолого-символічний код переосмислюється іронічно, а Пушкін позбавляється статусу пророка» [2, с. 113].

Имя Пушкина неоднократно упоминается в прозе Ф. Искандера. В его творчестве можно выделить несколько вариаций пушкинского мифа: обывательский, советский, постсоветский. В романе «Сандро из Чегема» наиболее успешно обыгрывается именно обывательский миф о Пушкине. В одной из глав автор иронически описывает, как главный чегемский пушкинист Чунка, не делая различия между художественным вымыслом и реальностью, читал «Чёрную шаль» так страстно, что «некоторые из слушателей, не выдержав, вскакивали и, если в компании бывал парень армянского происхождения, бросали на него угрожающие взгляды» [8, с. 480]. Чунка, подобно лирическому герою пушкинской «Чёрной шали», влюблён в

прекрасную гречанку, но сама тема измены автором пародийно снижается. Возлюбленная Чунки зарабатывает на жизнь древнейшей профессией, что радикально меняет и сам характер ревности: «Если она, думал он, не дождавшись меня, приняла кого-то – убью! И её, и его! И как Пушкин в дунайские волны, в кодорские волны их брошу тела» [8, с. 511].

С именем Пушкина как представителя русской культуры связывает Ф. Искандер внутренне противоречивый процесс вовлечения абхазцев в поле России. Арестованный Чунка так объясняет следователю свое знание русского языка: «Пушкин, армия <...> Ну, и базар, конечно» [8, с. 501]. Однако само имя Пушкина вызывает у следователя, воспринявшего «Пушкина» как язвительное замечание, неожиданную реакцию. Эта реакция сопровождается авторским комментарием: «В те времена имя Пушкина в мещанских кругах почему-то имело шутливо-презрительное хождение: Пушкин знает, Пушкин за тебя сделает и так далее. В этом смысле следователь и воспринял имя Пушкина как чудовищное и хитрое издевательство» [8, с. 501]. Одновременно с этим в тексте обозначается и иная аллюзивная отсылка к другому значимому в мифу о Пушкине – борце за свободу: именно у следователя (почти сотрудника Третьего отделения, если проводить исторические параллели) имя Пушкина вызывает раздражение.

В творчестве Ф. Искандера своеобразно отражен знаковый советский миф о Пушкине как борце с самодержавием. Главный герой рассказа «Чик и Пушкин», рассматривая нарисованную на обложке тетради иллюстрацию к «Песни о вещем Олеге», пытается разглядеть в ней зашифрованный призыв к свержению царя. О тенденциозности истолкования пушкинского творчества писал в свое время Б. Томашевский, отмечая, что «каждый автор присваивал своей партии Пушкина подкрепляя это наудачу выхваченными цитатами и строя из этих цитат свою собственную систему» [13, с. 65]. Мальчик Чик читает «Песнь о вещем Олеге» в соответствии с духом советской эпохи, но неожиданно для самого себя открывает величайшую эстетическую ценность стихов, по сравнению с которой всё «актуально политическое» выглядит мелко: «Нет. Он не перестал верить в существование вредителей. Но они куда-то далеко-далеко удвинулись и стали маленькими-маленькими. И даже если они воровато нацарапали на этом рисунке какие-то нехорошие слова и юркнули в какую-то щель, как это всё мелко и глупо. Даже искать эти слова мелко и глупо, если в жизни могут происходить такие великие истории, как история Олега и его коня» [7, с. 557]. Открытие происходит внезапно, как прозрение: «Слова засияли словно переводные картинки, промытые слезами Чика. В них стал приоткрываться какой-то милый дополнительный смысл» [7, с. 556]. Постигание истины невозможно без катарсиса: «Обливаясь сладкими слезами и не думая о том, что плакать стыдно, Чик несколько раз прочёл это стихотворение, удивляясь, что слова начинают светиться и зеленеть» [7, с. 556]. Чик начинает осознавать истинную идею произведения: «Тут все обречены, и Чик это чувствует» [7, с. 556]. В определённой степени Ф. Искандер развенчивает государственный миф о Пушкине-революционере и

противопоставляет ему миф о Пушкине-творце, неподвластном времени и политической конъюнктуре.

Пушкинские тексты в скрытой, но узнаваемой форме часто присутствуют у Ф. Искандера. В рассказе «Чик знал, где собака зарыта» писатель, нарочито снижая пушкинскую коллизию в бытовой анекдот, обыгрывает сюжет «Пиковой дамы» в истории необыкновенного везения Чика. Прямая отсылка к пушкинскому тексту связывает два произведения: «Теперь уже трудно установить, читал ли Чик к этому времени “Пиковую даму” Пушкина. Скорее всего, читал» [7, с. 559]. Сюжетная структура «Пиковой дамы» в рассказе Ф. Искандера в целом соблюдена. Однако у Искандера Чик видит старуху во сне и лишь случайно становится обладателем тайны выигрыша. И крах мечты наступает так же внезапно и необъяснимо, как и начало этой истории. Мотив преступления и возмездия, характерный для пушкинской «Пиковой Дамы», Искандером никак не разрабатывается. Чик проигрывает все деньги так же легко, как и выигрывает. При этом нет даже намёка на причину, реальную или мистическую: «Мы, как и Чик, не понимаем, в чём тут дело. Возможно, это был день великого везения. Вот и Чик выпал такой день, хотя везение и не дотянуло до заката» [7, с. 587]. Фортуна, по Ф. Искандеру, не опирается на какие-либо нравственные законы, она, как и жизнь в целом, просто переменчива, и понять её законы невозможно. В художественном мире писателя вообще нет ничего устойчивого и постоянного, всё переменчиво. Чик, как и пушкинский Германн, после краха надежд близок к помешательству:

«– Чик, что случилось?! – орал Бочо оглохшему от горя Чикю.

– Не знаю, – бормотал Чик, плохо воспринимая происходящее» [7, с. 587]. Но, в отличие от сошедшего с ума Германна из «Пиковой дамы», неунывающий Чик уже в следующих рассказах снова становится прежним участником великого жизненного карнавала, где каждый нищий через минуту может стать богатым, а каждый богач – нищим.

В творческом мире Искандера Пушкиным как бы задается высшая планка искусства. Главный герой рассказа «Чик и Пушкин» принимает участие в постановке школьного спектакля «Сказка о попе и работнике его Балде». Чик чувствует, что постановка неудачна, как неудачны декорации и реквизит – нелепая картонная лошадь с деревянной ручкой для вращения лошадиного хвоста, попытки правдоподобно изобразить лошадиный топот и ржанье. Подобно толстовской Наташе Ростовской, которая «не могла следить за ходом оперы, не могла слышать музыку: она видела только крашенные картоны и странно наряженных мужчин и женщин» [12, с. 652], Чик думает: «Если бы <...> я мог поверить, что всё это правда» [7, с. 540]. Его поражает та «странность» театрального воплощения, бездарность которого так контрастирует с совершенством пушкинской сказки. Однако красота и глубина пушкинского текста побеждает театральную условность, вызывая восторг зрителей и утверждая неистребимую радость жизни. И Чик в конце спектакля счастлив, как счастливы и все остальные актеры.

Обращаясь к пушкинской теме, Ф. Искандер развенчивает советский миф о Пушкине, но в целом не деконструирует, а скорее переосмысляет, сохраняя и реактуализируя его. Самому автору, видимо, ближе всего позиция, согласно которой Пушкин – олицетворение всего лучшего в России, символ русской культуры и духовности, который, как отмечает В. Гусев, «втілює весь російський національний світ» [2, с. 112]. Свое отношение к Пушкину как ключевой фигуре русской культуры выразил и сам Ф. Искандер в повести «Думающий о России и американец», написанной в 1998 году: «Мы всё ещё живы благодаря Пушкину. От Пушкина струится столько добра, что каждый россиянин, читавший и понимавший Пушкина, убеждается: раз Пушкин жил в России, значит, Россию ждёт что-то хорошее. Иначе появление Пушкина в России было бы необъяснимо». [5]. Пушкин для Ф. Искандера – прежде всего поэт, соединивший в своем творчестве нравственные и эстетические основания русской культуры, и в его творчестве пушкинский миф предстает как точка отсчета авторской концепции искусства, его назначения и художественной специфики.

Библиографические ссылки

1. Виролайнен М. Н. Культурный герой нового времени / М. Н. Виролайнен // Легенды и мифы о Пушкине / под. ред. М. Н. Виролайнен. – СПб, Академический Проект, 1995, – 352 с.
2. Гусев В. А. Пушкін, Гоголь, Шевченко як міфологічні фігури й домінуючі символи національних культур / В. А. Гусев // Гуманітарні науки. – 2006. – № 1. – с. 110 – 118.
3. Доброзракова Г. А. Пушкинский миф в творчестве Сергея Довлатова: дис. на соискание учёной степени канд. филол. наук: спец. 10. 01. 01 «Русская литература» / Г. А. Доброзракова. – Самара, 2007. – 187 с.
4. Загидуллина М. В. Механизмы вращающегося пушкинского мифа в национальное сознание [Электронный ресурс] / М. В. Загидуллина. – Режим доступа: http://zagidullina.ru/my_articles/механизмы-вращающегося-пушкинского-миф
5. Искандер Ф. Думающий о России и американец [Электронный ресурс] / Ф. Искандер. – Режим доступа: http://lib.ru/FISKANDER/isk_amer.txt
6. Искандер Ф. Душно жить без совести [Электронный ресурс] / Ф. Искандер. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2011/03/04/iskander.html>
7. Искандер Ф. Кролики и удавы; Созвездие Козлотура; Детство Чика / Ф. Искандер. – М.: Эксмо, 2011. – 832 с.
8. Искандер Ф. Сандро из Чегема / Ф. Искандер. – М.: Эксмо, 2009. – 1104 с.
9. Маленьких С. Пушкинский миф как текст [Электронный ресурс] / С. Маленьких. – Режим доступа: <http://aseminar.narod.ru/malენkih.htm>
10. Муравьёва О. С. Образ Пушкина: исторические метаморфозы / О. С. Муравьёва // Легенды и мифы о Пушкине / под. ред. М. Н. Виролайнен. – СПб, Академический Проект, 1995. – 352 с.
11. Солошенко-Заднепровская Н. К. А. С. Пушкин в творческом мире Д. Самойлова: дис. на соискание учёной степени канд. филол. наук: спец. 10. 01. 02 «Русская литература» / Н. К. Солошенко-Заднепровская. – Харьков, 2012. – 190 с.
12. Толстой Л. Война и мир / Л. Толстой. – М.: Молодая гвардия, 1971. – Т. 1, 2. – 703 с.
13. Томашевский Б. В. Пушкин. Работы разных лет / Б. В. Томашевский. – М.: Книга, 1990. – 672 с.

Надійшла до редколегії 31.03.14 р.